

А.А. А н д р е е в

ДВА ПИСЬМА О ПРОИСХОЖДЕНИИ БУХАРСКОГО ПОСЛА КУЛИ-БЕКА ТУПЧИ-БАШИ

Без сомнения, бухарский посол Кули-бек¹ был одним из самых одиозных послов из Средней Азии в Россию XVIII в. Он прибыл в пределы Российского государства в 1716 г. с ответственным поручением от Абулфейз-хана, правителя Бухарского ханства (1711 – 1747), основной задачей которого было освобождение бухарских и хивинских купцов, находившихся в заключении. Последние были обвинены в сговоре с Османской империей и калмыками хана Аюки и в подготовке восстания в Астрахани. Помимо этого на первый взгляд невыполнимого пункта, ему, по всей видимости, было дано задание разведать о намерениях и планах российского правителя относительно Средней Азии. Общеизвестно, что начиная с 1713 г. Пётр Первый проявляет большой интерес к государственным образованиям в указанном регионе, что не могло не вызвать ответного беспокойства бухарского правителя Абулфейз-хана. Свидетельством этому можно определённо считать встречу и переговоры Кули-бека с посланником России в Хиву Александром Черкасским (Бековичем)², о чём он сам лично и сообщил Петру I³.

Перед тем как перейти к текстам уникальных по своему содержанию двух документов посольства, необходимо вкратце осветить историю появления в России бухарского «тупчи-баши». Само наименование должности Кули-бека часто фигурирует в российских источниках как часть имени. На самом деле, это всё-таки название должности. В Бухаре, при дворе хана, согласно более поздним бухарским источникам, были две одноимённые должности — «великий тупчи-баши» и «тупчи-баши высокого двора»⁴. Первый заведовал арсеналом хана и имел иногда право «сидеть во время беседы» с государём. Второй охранял высокий двор и был значительно ниже рангом⁵. По какой причине было решено отправить в Россию в качестве «йалчи» (посла) заведующего ханским арсеналом неизвестно. Вероятно, сыграло свою роль происхождение Кули-бека, о котором будет рассказано подробнее на основании его писем.

По прибытии посланника в Астрахань к нему был определён переводчиком и сопровождающим Кутлумбет-мурза Тевкелев⁶, известный впоследствии как участник Персидского похода Петра I и как посол к казахам Младшего жуза для приведения их в подданство России. В документах начала XVIII в. он упоминается как Муртаза Тевкелев. С посланником было «ханских людей 35, ево посольских 15 человек, купчин 10 человек»⁷.

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

26 июня 1717 г. посольство прибыло в Санкт-Петербург и было размещено в гостевом доме на Дворянской улице⁸. 3 июля к послу прибыл секретарь царя П.В. Курбатов, он доставил посла в Сенат, где его предполагалось расспросить о целях визита. Кули-бек отказался говорить о «важных секретных делах», ссылаясь на поручение от хана «донести о них лично царю». 11 июля господа сенаторы беседовали с третьим по значимости человеком в посольстве, с купцом Асаном, который в свою очередь сообщил ряд пунктов, по которым приехали договариваться бухарцы. Одним из самых важных был вопрос об освобождении бухарских купцов. Купец в Сенате озвучил следующее: «Которые Бухарской земли торговые люди, ево, ханские, подданные, приезжают в Российское государство, а именно в Астрахань, для торгов, а иные поженясь и живут домами, и тем бухарцам чиняцца обиды, и которые, пожив в Астрахани несколько лет, хотят ехать паки в Бухары, тех не отпускают, а в Бухарские земли русские купцы торгуют свободно и безошлинно, и никакой им ни одной обиды не чинитца, и отпускают всех из Бухарской земли без задержания. И что такожде и бухарцам, которые желают жить в Российском государстве, [было бы] позволено торговати и жить свободно и безобидно. А которые захотят возвращаться в Бухарские земли, [тех] отпускать не задерживая»⁹.

Об остальном поведал сам посол. В РГАДА (Ф. 109 (Сношения России с Бухарой — коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии) хранится подробная записка о принятии бухарского посла русским царём. В воскресенье 20 октября 1717 г., «по утру, пред обедней, изволил Его Царское Величество прийти в Сенат и указал у себя быть вышеозначенному послу и купчине на аудиенцию. Посла доставили на карете, принадлежавшей тайному советнику П.П. Шафирову, о двух возницах и з двумя вершинниками. Для купчины была выделена карета царского секретаря П. Курбатова. Дары несть послано 12 человек солдат. Когда посол приехал к крыльцу, встретил его секретарь Курбатов. Царское Величество изволил от верхних палат, стоя против дверей, на вышине и [своём] месте, по обе стороны стояли министры, а подле министров чрез всю палату до самой двери стояли офицеры и царедворцы»¹⁰.

Были соблюдены все формальности ритуала приёма посольств. «Посол пришёл к дверям и, не входя в палаты, учинил Его Царскому Величеству поклонение, став на колени, и говорил Его Царскому Величеству: Сеит Абдул Азиз Мухамет-хан приказал кланяться»¹¹. Потом случилось непредвиденное: участники посольства забыли взять на аудиенцию саму грамоту от Бухарского правителя. Посол «потом хотел было лист изречения принести, есаул его несённого того листа не нашёл и, став на колени, просил Его Царского Величества прощения, [после] принужден был послать для того листа на двор»¹². Не обращая внимания на такое досадное недоразумение, Кули-бек зашёл всё-таки в палату и вновь «поклонился Его Царскому Величеству». Затем, «став на колени говорил, что хан его приказал Его Царскому Величеству од себя поздравить счастливыми викториями, одержанными над шведами»¹³. Государственный вице-канцлер Шафиров спросил посла о здоровье бухарского хана, и после ответа приступили к вручению даров.

После демонстрации подарков Пётр «изволил пойтить в другие палаты, а посол остался в палате» ждать, пока посыльные принесут забытую грамоту. К обеду, когда грамоту принесли, «Царское Величество вышел в палату и посол лист Царскому Величеству понёс, на который [он] свою руку [наложил], а государственный подканцлер принял и сказал послу, что Его Царское Величество выслушать перевод с того царского листа велит»¹⁴. В речи посла, которая была запротоколирована, приводятся пункты, по которым Пётр приказал дать ответ.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

«1) Слышно им, что Его Царское Величество завоевал шведов несколько земель и получил викторию над шведом, а оных шведовских народов славят zelo храбрыми. Того ради его ханская светлость просит из шведского народу девяти человек женского полу.

2) Просят 9 кречетов добрых, ловчих.

3) Ещё просят его ханская светлость, что слышится у них, что в государстве здешнем делают сукна... самые добрыя всяких цветов, которые хотя масло зальются или грязи замажутся, в себя не пушают и цвета не переменяют, дабы несколько аршин оных для пробы к нему прислать.

4) Которые мусульманы гневом отягчены, оных для дружбы отпустить»¹⁵.

Подробности дипломатических отношений России с ханствами Средней Азии и с Бухарским ханством, в частности в период царствования Петра, выходят за рамки нашей темы публикации. Считаю необходимым лишь упомянуть, что бухарский посланник решил практически все поставленные перед ним задачи. Пётр I, в условиях резкого ухудшения отношений с Хивой после неудачной миссии А.Б. Черкасского, решает укрепить связи с Бухарским ханством и отпускает практически всех арестованных бухарских купцов. Одним из важных пунктов переговоров была просьба бухарского правителя о присылке ему «посла, человека разумного»¹⁶. Таковым разумным человеком стал знаменитый впоследствии российский посланник на Востоке, итальянец на русской службе Флорио Беневени. Его и стали готовить к экспедиции «с огромным поспешанием».

Кули-бек получил подарки от русского царя для Абулфейз-хана. Согласно документам, приводимым князем Хилковым, он вёз в Бухару «часы столовые, боевые, с игрою и с репетицією»¹⁷, во 130 рублей и 6 кречетов хороших»¹⁸.

Согласно общепринятой тогда практике, посольства из Хивы, Бухары, а ранее Ургенча, Балха и Герата являлись одновременно и торговыми караванами. Кули-бек не был исключением и активно занимался торговлей в Астрахани, Казани, Москве и Санкт-Петербурге. И здесь его начали преследовать неудачи, в частности, в Астрахани, на границе, у него возникли некоторые проблемы на таможне.

По возвращении в Бухару он стал отчаянно интриговать против российского посла. Флорио Беневени писал в своих репортажах: «При сём доношу Вашему Величеству, что Хан Кули Баши посол, яко бусурман, Вашу царскую милость весьма позабыл и многие непристойные слова про имя Ваше говорит»¹⁹.

Оставив за рамками подробности дипломатической борьбы, имевшей место в Бухаре и Хиве, перейдём собственно к фигуре посланника. Наибольший интерес вызывает сама личность посла. В.Г. Воловников, ссылаясь на данные фондов РГАДА, пишет о том, что Кули-бек был «весьма знающий» о принятом в России «обычае и обхождении»²⁰. Известно, что его мать, Дарья, была русской пленницей в Бухаре и даже сохранила православное вероисповедание²¹. Это подтверждается архивными документами: она была «в полону двадцать два года, терпела нужды и всякие увечья»²². Однако определённо утверждать, что он и в самом деле был знатоком русской действительности, нельзя. Русским языком он, по всей видимости, не владел или знал его плохо. Большинство подписанных им грамот написано на чагатайском языке.

Среди значительного количества грамот посольства Кули-бека, хранящихся в РГАДА (Ф. 9), есть малоизученная челобитная государю от Дарьи Ураковой дочери Ильиной, из содержания которой становится ясно, что она мать Кули-бека²³. Данный документ проливает свет на многие другие вопросы, связанные с происхождением Кули-бека. Челобитная оформлена на одном листе, в верхнем углу лицевой части печать с изображением двуглавого орла, в правом нижнем углу на обороте печать бухарского посла с его именем и

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

датой — 1127 (1715) год, водяные знаки отсутствуют. Сам документ хорошей сохранности, за исключением левого верхнего угла, пострадавшего от плесени. Челобитная была составлена подьячим Монастырского приказа Елизаром Бышковским, который на 42 строчках понятным почерком красочно изложил просьбу матери бухарского посла.

В тексте прошения говорится, что во время восстания башкир 1681–1684 г. Дарья Уракова с мужем, стольником «с подённого корму» князем Фёдором Ураковым (из новокрещенных дворян, вероятно из башкир)²⁴, и с двумя детьми попадает в плен недалеко от Уфы. Впоследствии муж и дети спаслись. А её, беременную, калмыки «завезли и продали в Бухары», где она и родила сына. «А имя сыну моему, — пишет Дарья Уракова, — Хан Кули-бек Ураков». Сын её имел значительные успехи в карьере при дворе хана. Будучи изначально сыном рабыни, он дослужился до звания *тупчи-баши* и был отправлен в Россию с дипломатической миссией.

В 1704 г. пришедший к власти в Бухаре Убайдулла-хан отправляет в Россию посольство Алим Бека Кочек-бека. Из челобитной становится известно, что Дарья Уракова была возвращена с этим посольством на родину, где её ожидает трагическое известие о смерти мужа в сражении под Нарвой в 1700 г. и начинается череда бедствий её и дочери, Прасковьи Фёдоровны, которые красочно описаны в челобитной. Они потеряли практически всех родственников, вдобавок Прасковья Фёдоровна к этому времени уже дважды успела овдоветь, и несчастным женщинам угрожало нищенское существование и, возможно, голодная смерть. Перспектива возвращения в Бухарское ханство, по видимости, ими не рассматривалась. Единственное, о чём они просили, это отправить их в монастырь.

Монастырь же был ими выбран один из богатейших в России — Вознесенский. Согласно принятым правилам в подобные учреждения не принимали без значительных вступительных взносов. Просьба о пострижении «безвкладно» и о «выдаче кельи» была вполне законна, учитывая испытания, которые прошла Дарья Уракова, но об уникальности прошения свидетельствует тот факт, что без указа государя подобное пострижение было бы невозможным. Пользуясь своим статусом посла, Кули-бек подал челобитную лично, о чём свидетельствует его печать на документе.

К сожалению, нам неизвестно была ли решена участь бедных женщин должным образом. Но из второго публикуемого нами документа становится ясно, что с пострижением матери и сестры посла в монастырь возникли трудности. Второй публикуемый нами документ без определённой даты, но из содержания текста ясно, что указ государев о пострижении был отослан в монастырский приказ, причём с подтверждением, чтобы им были выделены кельи «и удел полная». Кули-бек, обращаясь к секретарям Посольского приказа Михаил Павловичу Шафирову и Михаилу Родионовичу Ларионову, сообщил, что его родственниц «с безместными поверстают», т. е. берут на содержание в монастырь, но на общих основаниях, как бездомных. Бухарский посланник настойчиво просил оказать содействие и заявлял о том, что повторно будет написана челобитная государю²⁵.

За неимением ответных писем послу из Посольского приказа или каких-либо документов из Монастырского приказа, связанных с именем Дарьи Ураковой, мы не можем рассказать о дальнейшей их судьбе.

В итоге, несмотря на незавершенный характер этой истории, мы всё же узнаём, что Хан Кули-бек был на самом деле урождённым князем Ураковым, но вырос в Бухаре, возможно при ханском дворе, не имел сведений о своих родственниках в России и был мало заинтересован в возвращении на родину. Занимая ответственный пост, он успешно провёл дипломатическую миссию и в дальнейшем в Бухаре создавал препятствия для разведывательной деятельности российского посла Флорио Беневини.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

Тем не менее этот случай в значительной степени уникален как для отечественной истории, так и для истории Хивинского ханства. Эти два письма свидетельствуют о высоком уровне этнокультурного и, можно сказать, этноконфессионального взаимодействия в Российском государстве времён Петра Великого. Сын новокрещенного князя, стольника, выросший в Бухаре и воспитанный мусульманином, пытался содействовать пострижению своей матери и сестры в один из богатейших православных монастырей России. Подобные сюжеты всё-таки случались редко.

№ 1

1718 г., февраля 1. – *Челобитная Дарьи Ураковой дочери Ильиной Петру I*

л. 1 ¹Державне[ший] царь, государь милостивейший.

В прошлом во сто девяностом году отложилися башкирцы от твоея государския державы, а съединилися с калмыкамы и воевали украинные города и уезды²⁶. В то же время подходили под город Уфу и разоряли уезды, многих людей побили и в полон побрали, и меня, рабу твою нижеименованную, в полон калмыки взяли беременну и с мужем моим, князем Фёдором Богдановым сыном Ураковым, и муж мой ушёл от них на другой день, а с ним осталось двою детей, сын да дочь в малых летех, а меня, рабу твою, они, калмыки, завезли и продали в Бухары. И была я в полону дватцет два года, терпела нужды всякия и увечья и вышла на Русь з бухарским послом в прошлом семьсот четвертом году. А дитя, которое данесено в моей утробе, родила в Бухарах, сына, и выростила, и служил он у хана бухарского топчибашею. А ныне до вашего величества от хана бухарского прислан послом, а имя сыну моему хан Кули бек Ураков. А муж мой князь Фёдор Ураков служил вашему величеству трицет пять лет в стольниках с подённого корму, и на многих боях бывал, и ранен многожды, а бился явственно, не щедя головы своей, многих татар убивал, и языки брал, и стада конские и детей боярских, на стороже бывших, отбивал от татар один, и убит на твоей великого государя службе в первом походе под Ругодевым (Первый Нарвский поход, 1700 г. – А.А.), на раскате, от роду в пятьдесят лет. И отец ево, и сын мой князь Стефан Ураков, и многия наши сродичи побиты на твоей великого государя службе. А дочери моей нижеименованной первой муж, а мой зять, князь Василей Иванов сын Шихмамаев, служил вашему величеству в стольниках с подённого ж корму и убит на твоей великого государя службе, под Озовым, а другой муж ея, Роман Тихонов сын Посошков, на службе же умре. А служил вашему величеству верно, сыскал своими харчами в Самарском уезде, в Девичьих горах, серу горючею, самородную, // которая родится меж камня алебаstra. А ныне дочь моя вдовствует многие годы, и обнищалися я, роба твоя, и дочь моя, пострытца на Москве, в Вознесенском девечьем монастыре, что в Кремле-городе, а вк[л]аду нам за скудостию дать нечего, поместья, и вотчин, и дворов московских за нами нет, а без твоего великого государя указу нас, сирот твоих, в монастыре Вознесенском без вклада не пострыгают.

л. 1 об. ную, // которая родится меж камня алебаstra. А ныне дочь моя вдовствует многие годы, и обнищалися я, роба твоя, и дочь моя, пострытца на Москве, в Вознесенском девечьем монастыре, что в Кремле-городе, а вк[л]аду нам за скудостию дать нечего, поместья, и вотчин, и дворов московских за нами нет, а без твоего великого государя указу нас, сирот твоих, в монастыре Вознесенском без вклада не пострыгают.

Всемилоостивейший государь, просим вашего величества: да повелит державство ваше ради своего государского многолетнего здравия, и поминаючи мать свою блаженные памяти благоверную государыню царицу и великую княгиню Наталию Кирилловну, и за мое полонное терпение, и за службы, и за кровь моих сродников, меня, рабу твою, и дочь мою в вышеписаннем монастыре безвкладно пострычь, и в удел против вклатчиц поверстать, и келью дать, чтобы нам, сиротам твоим, меж двор не скитатца и голодную смертью не умереть, а за ваше государское здравие вечно Бога молить.

Вашего величества нижайшие рабы Дарья Ильина дочь, Прасковья княж Фёдорова дочь.

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Февраля в 1 1718-го году челобитную писал Монастырского приказа площадной подьячей Елизар Бышковской.¹

²К сему прошению вдова Прасковья Посошкова и вместо матери своей, Дарьи Ильишны, по её велению руку приложила.² //

РГАДА. Ф. 109 (Сношения России с Бухарой). Оп. 1. 1718. Д. 4. Л. 1–1об.
Публикуется впервые.

¹⁻¹ Первый почерк – писарский.

²⁻² Второй почерк – собственноручная подпись П. Посошковой.

№ 2

Без даты. – Письмо Кули-бека в Посольский приказ

Почтенным господам Посольской канцелярии Михаилу Павловичу, Михаилу Радионовичу. л. 79

Посол бухарской поздравление предпосылает.

Прошу вас, мои приятели: по именному Его Царского Величества указу о постижении моей матери и сестры послан указ государев до вашей особы в Монастырской приказ, а таво против челобитной в указе не написано, чтобы им дать келья и удел полная, а без вашева повеления и в том Приказе таво в указе не написали жа, а без указу в монастыре ихъ з безмесными поверстают, а я у государя сам милости просил, чтобы им было, где галава приклонить и чем кармитца, а не по миру хадить. И, ваша милость, позволте в Монастырской при // каз, также и к игуменье своево дяка послать, чтобы при мне им матере моей и сестре келью отвели и в книгу жалованную имена ихъ записали, а буде вас преслушают, то я нарочно пошлю человека к Его Царскому Величеству и буду просить милости, также и к вышшим господам писать буду, а ка мне какая милость государева есть, ваша особа о том сведомы и просим, о том прикажите. // л. 79 об.

РГАДА. Ф. 109 (Сношения России с Бухарой). Оп. 1. 1718. Д. 1. Л. 79–79 об.
Публикуется впервые.

¹ Сам посол подписывался в документах таким образом: Хан Кули-бек *тупчи-баши* (РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 129).

² О личности А.Б. Черкасского и истории экспедиции в Хивинское ханство см.: *Княжецкая Е.А.* Судьба одной карты : [О географе А.Б. Черкасском]. М., 1964. 119 с., 1 л. карт. : ил., карт. (Географическая серия).

³ ГСВ. М., 2004. Вып. 1. С. 590.

⁴ Маджама ал-аркам : (Предписания фиска). Приёмы документации в Бухаре XVIII в. Факс. рукописи / Мирза Бади-диван ; под ред. А.Б. Вильдановой. М., 1981. С. 98, 99.

⁵ Там же.

⁶ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Л. 44.

⁷ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 44.

⁸ *Хилков Г.Д.* Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 463.

⁹ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 141 об.

¹⁰ Там же. Л. 99.

¹¹ Там же. Л. 100.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 209 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 195.

¹⁷ Механические часы, отбивающие час, четверть часа.

¹⁸ Сборник князя Хилкова. С. 465.

¹⁹ Посланник Петра I на Востоке : посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718 – 1725 годах / под ред. М.Л. Вайс, Н.А. Халфин. М., 1986. С. 75.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Там же.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

²² РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1718 г. Д. 4. Л. 1.

²³ Там же.

²⁴ Стольники и новокрещенные полковой службы : 1700 г. Л. 484 ; 1701 г. Л. 126 ; 1702 г. Л. 99 // *Захаров А.В.* Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века»

[Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 19.09.2014).

²⁵ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1718 г. Д. 1. Л. 79.

²⁶ «...во сто девяностом году...» (по летоисчислению от Сотворения мира) – очевидно, речь о башкирском восстании 1681 – 1684 г.